

Психологічна безпека особистості

ПСИХОЛОГІЧНА БЕЗПЕКА ОСОБИСТОСТІ

Міжнародна колективна монографія

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Международная коллективная монография

ПСИХАЛАГІЧНА БЯСПЕКА АСОБЫ

Міжнародная калектыўная манаграфія

THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF PERSONALITY

International collective monograph

Міжнародна колективна монографія за загальною редакцією професора І.В. Волженцевої. 2021

**Міністерство освіти і науки України
Міністерство освіти Республіки Білорусь
УНІВЕРСИТЕТ ГРИГОРІЯ СКОВОРОДИ
В ПЕРЕЯСЛАВІ
(Україна)**

**УСТАНОВА ОСВІТИ
«БРЕСТСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ О. С. ПУШКІНА»
(Білорусь)**

ПСИХОЛОГІЧНА БЕЗПЕКА ОСОБИСТОСТІ

Міжнародна колективна монографія
за загальною редакцією професора І. В. Волженцевої

Переяслав – Брест
Університет Григорія Сковороди БрДУ імені О. С. Пушкіна
в Переяславі

2021

УДК 159.923.2

ББК 88.3

П 86

Рекомендовано до друку:

Вченою радою Університету Григорія Сковороди в Переяславі (протокол №3 від 29.10.2021),

радою психолого-педагогічного факультету УО «Брестський державний університет імені О. С. Пушкіна» (протокол № 10 від 29.04.2021)

Редакційна колегія: **Ірина Волженцева**, доктор психологічних наук, професор, академік Української технологічної академії (УТА), професор кафедри психології Університету Григорія Сковороди в Переяславі (*головний редактор*); **Тетяна Кириченко**, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри психології Університету Григорія Сковороди в Переяславі (*заступник головного редактора*); **Галина Хомич**, кандидат психологічних наук, професор, завідувач кафедри психології Університету Григорія Сковороди в Переяславі; **Наталія Билінська**, кандидат психологічних наук, доцент, завідувач кафедри психології УО «Брестський державний університет імені О. С. Пушкіна»; **Діана Чижма**, кандидат психологічних наук, доцент кафедри психології Університету Григорія Сковороди в Переяславі; **Олена Медведська**, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри психології УО «Брестський державний університет імені О. С. Пушкіна»; **Світлана Ящук**, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри психології УО «Брестський державний університет імені О. С. Пушкіна»; **Магдалина Ліла**, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри іноземної філології, перекладу та методики навчання Університету Григорія Сковороди в Переяславі.

Рецензенти:

Г. В. Лосик, доктор психологічних наук, головний науковий співробітник ГНУ «Об'єднаний інститут інформатики Національної академії наук Білорусі» (м. Мінськ)

Г. М. Бевз, доктор психологічних наук, професор, провідний науковий співробітник Університету політичної та соціальної психології НАПН України (м. Київ)

А. В. Северін, кандидат психологічних наук, доцент, доцент кафедри психології УО «Брестський державний університет імені О. С. Пушкіна» (м. Брест)

П 86 **Психологічна безпека особистості** : міжнар. колектив. монографія / Університет Григорія Сковороди в Переяславі ; Брест. держ. ун-т ім. О. С. Пушкіна ; за заг. ред. І. В. Волженцевої. Переяслав (Київська обл.) : Домбровська Я. М. ; Брест : БрДУ, 2021. 890 с.

ISBN 978-617-7747-23-8 (Домбровська Я. М.).

ISBN 978-985-22-0138-4 (БрДУ імені О. С. Пушкіна).

Розглянуто психологічні аспекти безпеки особистості в нестримно змінному світі. Висвітлено результати пошуку шляхів вирішення науково-методичних, практичних проблем, що стоять перед особистістю у контексті забезпечення її безпеки у сучасному світі.

Монографію адресовано психологам, викладачам закладів вищої освіти, молодим ученим, учителям, магістрантам, аспірантам, студентам, вихователям, соціологам і широкому колу науковців, які вивчають актуальні питання психологічної безпеки особистості в умовах системних змін на переломі тисячоліть.

УДК 159.923.2

ББК 88.3

ISBN 978-617-7747-23-8

ISBN 978-985-22-0138-4

© Домбровська Я. М., 2021

© УО «БрДУ імені О. С. Пушкіна», 2021

© Колектив авторів, 2021

УДК 159.923.2

ББК 88.3

Саморегуляція особистості в контексті зарубіжної та вітчизняної психології (Кириченко Т.В.).....	412
Розвиток логічного мислення дітей дошкільного віку в контексті їх психологічної безпеки (Клак В.О.).....	446
Концепція Карла Орфа в розвитку просодичного компоненту мовлення дітей дошкільного віку як психологічна проблема (Клак І.М.).....	462
Міждисциплінарний підхід до вивчення генезису розповідного усного мовлення дітей дошкільного віку (Кролівець Ю. В.)...	473
Клініко-психологічні дослідження предикторів суїцидальної поведінки (Крупельницька Л.Ф.).....	500
Імпліцитні уявлення про особистість професіонала як одна із складових професійного самовизначення (Либко І.В.).....	521
Психологічне обґрунтування методу ігрового включення дошкільників у виховні моральні ситуації (Лохвицька Л.В.)..	531
Когнітивні деформації активних інтернет-користувачів: теоретико-емпіричні підстави для моделювання (Медведська О. І.).....	547
Психологічна безпека середовища і особистості в діяльності медичних сестер відділень анестезіології і реанімації (Москалюк В. Ю.).....	564
Інформаційна безпека турбулентного часу (Панченко О.А., Кабанцева А.В., Антонов В.Г.).....	586
Кризові, екстремальні і надзвичайні ситуації: концептуальні стратегії (теоретико-емпіричний зріз) (Поліщук В.М.).....	605
Емоційна і вольова саморегуляція літніх людей у критичних та надзвичайних ситуаціях (Поліщук С.А.).....	622
Психологічна безпека особистості в несприятливих обставинах: питання розуміння та особистісного вибору (Поуль В. С.).....	639
Базові положення створення технік розпізнавання рівнів грайливості (Саута С. Л., Гордиенко-Митрофанова І.В., Гоголь Д.М.).....	663
Особливості зорово-тактильного сприйняття предметів варіативної форми дівчатами і юнаками з різним домінуючим типом репрезентативних систем (Северин О.В.).....	689
Роль зору в сприйнятті предметів варіативної форми (Северин О.В, Лосик Г. В., Морозов В. Є.).....	705
Психологічна безпека студентів і викладачів як гарантія ефективності професійної підготовки: об'єктивний і суб'єктивний ракурси аналізу (Семиченко В.А.).....	724
Уявлення про конфлікти з батьками у підлітків з різним самовідношенням (Синюк Д. Е.).....	770
Методологічні і теоретичні проблеми вивчення копінг-поведінки (Ткачук Т.А.).....	788

Медведская Елена Ивановна

кандидат психологических наук, доцент,

профессор кафедры психологии

УО «Брестский государственный

университет

имени А.С. Пушкина».

г. Брест, Беларусь

E-mail: EMedvedskaja@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Изменения познавательной деятельности субъекта, являющиеся следствием интенсификации разнообразных интернет-практик, в силу своей скорости нуждаются в теоретическом моделировании. В статье обосновывается правомерность гипотезы о деформирующем интернет-воздействии как основы конструируемой модели. В парадигме культурно-исторической психологии дано определение когнитивной деформации как структурных изменений ВПФ активных интернет-пользователей.

Ключевые слова: Интернет, смешанная реальность, культурно-историческая психология, генетический закон, когнитивная деформация.

Elena Ivanovna Medvedskaya. Cognitive deformations of active Internet users: theoretical and empirical foundations for modeling

Changes in the cognitive activity of the subject, which are a consequence of the intensification of various Internet practices, due to their speed, require theoretical modeling. The article substantiates the validity of the hypothesis of the deforming Internet impact as the basis of the constructed model. In the paradigm of cultural-historical psychology, a definition of cognitive deformation is given as structural changes in the HMF of active Internet users.

Keywords: Internet, mixed reality, cultural-historical psychology, genetic law, cognitive deformation.

Постановка проблемы. Первые компьютеры появились в 50-е гг. XX в. и фактически одновременно с их разработкой начались и попытки организации связи между разными устройствами, т. е. с усовершенствованием компьютеров параллельно велась работа по созданию прототипов Интернета. Считается, что эпоха Интернета началась с 1995 г., года появления первых провайдеров. И распространение данной технологии набрало просто фантастический темп: если для создания 50-миллионной аудитории телезрителей понадобилось 13 лет, то Интернет это сделал всего за 4 года, а Facebook менее, чем через 9 месяцев насчитывал уже 100 миллионов пользователей (Агадуллина, 2015).

Проникновение Интернета во все сферы жизнедеятельности человека стремительно меняет наряду с внешней активностью и психическую, субъективную реальность его пользователя. Если говорить о психологических исследованиях происходящих изменений, то в качестве магистральных можно выделить два основных направления. Первое, начавшееся в конце прошлого века с монографий К. Янг и Д. Гринфильда, представляет собой изучение симптоматики и детерминант появления новых видов Интернет-зависимого поведения, прежде всего игрового. Значимым достижением в данной области можно считать включение в раздел «Болезни зависимостей» в новую редакцию МКБ-11 (2019 г.) аддикций от видеоигр и онлайн-казино. Другое направление представляет собой изучение новых форм коммуникации, опосредованной различными информационно-коммуникативными технологиями, и посвящено анализу изменений как самой коммуникации, так и личностных особенностей ее участников.

Существенно реже, чем вышеназванные психологические проблемы, предметом научного изучения выступают изменения познавательной деятельности и когнитивных функций интернет-пользователей. Вероятно, существующий дефицит данных в этой области обусловлен не только трудностями методологического или методического характера, поскольку они присутствуют в подавляющем большинстве исследований психической реальности. Можно предполагать, что изменения когнитивных процессов как психологическое последствие интернет-практик долго оставалось своеобразным «слепым пятном», поскольку и в академическом сознании, так же, как и в обыденном, часто присутствует имплицитное отождествление «умного» устройства с «умным» владельцем. Степень реалистичности обозначенного отождествления позволяют оценить результаты отдельных научных исследований.

Анализ последних исследований и публикаций.

В настоящее время в условиях повсеместного распространения Интернета уже выросло целое поколение, которое в разнообразных исследованиях обозначается как поколение Z (согласно теории

поколений Н. Хоува и В. Штрауса), «цифровые аборигены» (классификация американского интернет-деятеля и дизайнера видеоигр М. Пренски) или другими синонимами (поколение Net, поколение Google и т. п.), в которых подчеркивается присутствие Интернета как ведущего фактора социализации. Именно представители этого нового поколения в первую очередь оказываются в поле внимания исследователей. Результаты их работы можно структурировать в несколько групп, а именно:

1) анализ собственно технологических навыков и умений; 2) изменение мозговой активности; 3) изучение трансформаций когнитивных функций в процессе интернет-деятельности. В соответствии с ведущей проблемой настоящей работы, представляется целесообразно более детально остановиться на двух последних.

Специфика мозговой активности пользователей цифровых технологий

Обобщая результаты исследований деятельности мозга в эпоху Интернет-технологий, американские нейрофизиологи (Смолл, Ворган, 2011) полагают, что мозг современного человека находится в состоянии постоянной цифровой стимуляции (точнее перестимуляции, которую ученые образно называют «цифровым туманом»). Придерживаясь классификации М. Пренски, ученые утверждают, что существует «мозговая пропасть» между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми эмигрантами», поскольку новый тип информационной культуры способствует формированию совершенно иной мозговой организации. Мозг «цифровых аборигенов» функционирует в режиме «непрерывно рассеянного внимания»: внимание следит за всем сразу, «скользит», не концентрируясь на каком-либо объекте. Мозг «цифровых аборигенов» обучается быстрым реакциям и подвергается постоянной дофаминовой стимуляции, психологическим последствием которой выступает привычка мгновенного получения удовольствия (Смолл, Ворган, 2011: 11).

Однако у представителей поколения Z существенно хуже, чем у представителей более ранних поколений, развиты нейронные связи и отдельные участки мозга, ответственные за обычную учебу (Смолл, Ворган, 2011: 13). Замедляется также развитие лобных долей, отвечающих за планирование и контроль деятельности, а это ухудшает не только умственные способности, но и социальные навыки. Ученые провели и довольно строгие расчеты: каждый час, проведенный за компьютером, сокращает время традиционного общения лицом к лицу на 0,5 часа, что приводит к угасанию социальных навыков, прежде всего умения расшифровывать невербальные сообщения (Nie, Hillygus, 2002).

Имеются и отдельные данные о мозговой активности геймеров (исследуются в первую очередь любители наиболее популярных во всем мире игр жанра «стрелялки» или «шутеры»). Во время киберигры у

игроков фиксируются повышение тета-ритма мозга и снижение бета-ритма. Иначе говоря, высшие корковые структуры мозга, отвечающие за контроль деятельности и рациональное мышление, активированы значительно меньше, чем его низшие, подкорковые отделы. Таким образом, злоупотребление компьютерными играми может стать причиной нарушений психофизиологических функций головного мозга, в результате чего человек в прямом смысле «застревает в детстве» (Миронова, 2012; Урсу, 2013 и др.). Аналогичные результаты получены и японскими нейрофизиологами (Mori, Natsuda, Hinaki, 2006): у геймеров, т. е. играющих от 2 до 7 часов в сутки, снижена активность лобных отделов мозга, и даже вне игры эти отделы фактически не активизируются.

Немецкий психиатр М. Шпитцер (Шпитцер, 2014) достаточно категоричен в оценке последствий тесного взаимодействия человека с цифровыми технологиями, обобщенно обозначая их как «цифровое слабоумие». В нейробиологических исследованиях на животных и людях было неоднократно доказано, что объем запоминаемой информации тренирует и увеличивает гиппокамп – зону мозга, отвечающую за образование устойчивых связей (долговременная память). И это как раз та зона мозга, в которой на протяжении всей жизни человека обновляются клетки. Появившиеся клетки очень легко обучаемы, но обучаемы только на сложных задачах, требующих от человека интеллектуальных усилий. Даже заучивание наизусть и воспроизведение некоторого текста к такой сложной задаче не относится. Необходимо добавить, что все цифровые технологии не только легки в освоении, но и в принципе предназначены для облегчения интеллектуальных усилий, что позволяет считать мнение М. Шпитцера достаточно обоснованным.

Итак, результаты исследований доказывают, что активная Интернет-деятельность как минимум не способствует формированию высших отделов головного мозга у представителей поколения Z и не обеспечивает его полноценное функционирование у представителей более старших поколений.

Особенности когнитивных процессов

Закономерно, что если мозг функционирует иначе, то иначе начинают реализовываться и все обеспечиваемые им познавательные процессы. Большинство исследований в данной области также относится к молодым людям.

Восприятие поколения Z характеризуется как симультанное (нелинейное). Такой тип восприятия позволяет моментально «схватывать» предъявляемый образ целиком, но затрудняет последовательную детализацию (Смолл, Ворган, 2011; Голубинская, 2015 и др.). Внимание большинством исследователей описывается как рассеянное, скользкое (Смолл, Ворган, 2011; Шпитцер, 2014; Богачева. Спивак, 2019). Фиксируются и изменения памяти или Google-эффект, заключающийся в том, что активные пользователи Интернета

запоминают не столько саму информацию, сколько место ее хранения в сети (Sparrow, Liu, Wenger, 2011).

У молодых людей также присутствует и изменения самосознания, обусловленные регулярным взаимодействием с Интернетом. Об этих трансформациях свидетельствуют эксперименты профессора Гарвардского университета А. Ф. Уорд, установившего, что студенты считают web частью собственных умственных способностей (Ward, 2013). При ответе на тестовые вопросы одной группе студентов разрешали обращаться к сетевым ресурсам, другой – нет. Оказалось, что даже дословно скопированные, или попросту списанные, ответы из Интернета вызывали у респондентов чувство гордости за самого себя. Ученые из Йельского университета обнаружили еще один интересный эффект: информации из сети студенты доверяют больше, чем личным знаниям (Fiscer, Goddu, Keil, 2015): когда студентов попросили объяснить принципы действия хорошо знакомых им механизмов (к примеру, молнии-застежки), то оказалось, что те, кто мог проверить правильность своего ответа в Интернете чувствовали себя намного увереннее, чем те, кто давал аналогичные ответы, полностью опираясь на свой личный опыт и знания.

В последнее время различными специалистами (философами, педагогами, социологами, психологами) довольно активно анализируется феномен клипового мышления, которое описывается как дискретное, мозаичное, нерerefлексивное, быстрое (мгновенность перехода или скольжение) и краткое, непродуктивное и т. п. (Гиренок, 2016; Исаева, 2015; Царевская, Юдалевич, 2020 и др.). Хотя эмпирические исследования этого нового типа мышления пока отсутствуют, в практике разных ступеней образования (от младших школьников до студентов) специалисты озабочены построением педагогического процесса с учетом названных характеристик.

Последние годы стали появляться и исследования клинических психологов, доказывающие, что мышление молодых людей по ряду параметров отличается от мышления представителей доцифровой эпохи, приближаясь к классически признанным свойствам мышления лиц с шизоидными расстройствами (Кобзова, Зверева, Щелокова, 2018; Грекова, 2019 и др.). Если мышление взрослых соответствует конвенциональной иерархии родовых и видовых признаков, то в мышлении представителей поколения Z отсутствует подобная организация. Оно не отличается логической структурированностью материала, мало способно к выделению главного и второстепенного. Но при этом мышлению молодых людей присущи гибкость, многозначность, легкость переходов при смене материала и типов задач.

Таким образом, имеющиеся в настоящее время результаты исследований мозговой активности и когнитивных способностей представителей поколения Z пока не очень велики по объему, и часто

имеют противоречивый характер. Пока эти результаты подтверждают две ведущие гипотезы.

Первая из них – гипотеза вытеснения – появилась в эпоху расцвета телевидения благодаря американскому психологу С. Нейман (Neuman, 1988). Эта гипотеза гласит: чем больше времени ребенок проводит у ТВ-экрана, тем ниже уровень его когнитивного развития (поскольку остается меньше времени для собственно развивающих занятий в реальности). Однако эмпирически данная гипотеза так и не нашла однозначного подтверждения в силу проблем методического характера: дети смотрят по ТВ передачи разных жанров, поэтому фактически невозможно оценить ни их совокупный вклад, ни тем более значение какого-то одного жанра для когнитивного развития подрастающего поколения.

Бурное распространение технологий привело к появлению новой, более мягкой, гипотезы. Ученые из Оксфордского университета А. Пшибульский и Н. Вайнштейн постулируют ее как «цифровую гипотезу Златовласки». Она предполагает наличие некоторой золотой середины или оптимума времени взаимодействия ребенка с Интернетом. Проверка данной гипотезы на британских подростках (а это была очень серьезная выборка, составившая более 120 тысяч участников, дифференцированных по полу, этнической принадлежности, уровню экономического достатка семьи) не обнаружила значимых взаимосвязей между использованием гаджетов и психологическим благополучием подростков. Но была установлена связь со временем, а именно, до 2 часов в день. При превышении данного объема времени уровень психологического благополучия снижается (Przybylski, Weinstein, 2017). На российской выборке гипотеза Златовласки также начала проверяться, в частности в нейропсихологическом исследовании детей разного возраста с разной степенью онлайн-активности (Солдатова, Вишнева, 2019). Полученные результаты свидетельствуют, что если до младшего подросткового возраста зависимости между временем интернет-активности и отдельными когнитивными параметрами прослеживаются (серийная организация движений, вербальное развитие, пространственное мышление и др.), то уже у старших подростков некие корреляции установить не удалось.

В настоящее время имеются и отдельные клинические исследования мышления представителей поколения У (возраст от 20 до 40 лет), проведенные российскими психологами (Султанова, Иванова, 2017) У них были обнаружены такие особенности мышления, которые авторы по аналогии с известной работой З. Фрейда охарактеризовали как «патопсихологию обыденной жизни». К выявленным характеристикам относятся: снижение критичности к результатам своей деятельности, нейродинамические расстройства (усталость, сложность вработываемости, трудности концентрации на заданиях и др.), непоследовательность и разноплановость мышления, а также его эгоцентричность.

Таким образом, имеющиеся результаты изучения влияния Интернет-технологии на когнитивные функции ее пользователей довольно дефицитарны и противоречивы, что и обуславливает постановку следующей цели исследования.

Цель работы – теоретико-эмпирическое обоснование модели деформирующего влияния активных интернет-практик на когнитивные функции пользователя технологии.

Изложение основного материала и результатов исследования.

Методология моделирования

Теоретическим основанием для изучения влияния Интернет-технологии на когнитивные функции взрослых может выступить культурно-историческая психология. Хотя теории уже более века, она не только полностью соответствует современной идеологии постнеклассической науки, но и «продолжает задавать важнейшие методологические стандарты исследований и способствовать усовершенствованию психологической практики» (Зинченко, Первичко, 2012: 41). Базовой идеей теории выступает социокультурная детерминация высших психических функций. В контексте обсуждаемой проблематики это означает, что в условиях нового информационного общества принципиально меняется и характер психической организации субъекта.

Необходимо отметить, что «новое информационное общество» не просто представляет собой ранее неизвестную человечеству социокультурную ситуацию развития. Очень важно, что эта ситуация быстро меняется в соответствии с распространением и усовершенствованием самих информационно-коммуникативных технологий. Причем, согласно оценкам специалистов, технологии уже вышли на такой уровень мощности, что они следуют собственной логике развития, не поддающейся социальному контролю (Келли, 2017; Линч, 2019 и др.).

Интернет быстро эволюционирует, одновременно трансформируя также исторически предшествующие ему медиа. В настоящее время речь уже идет о «новых медиа», для обозначения которых используются также термины «веб нового поколения», «Web 2.0», «онлайн-медиа», «сетевые медиа», «цифровые медиа» и др. В эту группу объединяются все медиа, содержание которых может быть оцифровано и размещено в сети Интернет.

Быстрое и повсеместное проникновение интернет-технологии в различные области жизнедеятельности человека по мнению профессора Оксфордского университета А. Кирби превращает культурную парадигму современности в дигимодернизм (Kirby, 2009). Ученый считает оцифровывание преобладающим культурным фактором нашего времени, который постепенно все затягивает в свою орбиту и выдает уже отформатированным и отредактированным по своему образу. Следует

отметить, что для характеристики дигимодернизма А. Кирби использует метафору силового поля, тем самым подчеркивая, что он никак не является идеологией. Именно поэтому с позиций вклада в культуру ничто не может стать более ценным, становясь более оцифрованным.

Для фиксации новых социокультурных условий используются и иные термины. В связи с постепенным вытеснением мобильным Интернетом десктопного, обеспечиваемого со стационарных компьютеров, представители разных наук наиболее точными считают понятия «смешанная» реальность или «реальность онлайн». Понятие смешанной реальности в научный обиход ввели американский инженер П. Милгрэм, создающий в сотрудничестве с японскими учеными концепцию «континуума реальностей» (Milgram, Kishino, 1994), которая описывает окружающую человека среду в разном соотношении реально существующих и компьютерно смоделированных объектов. Данная концепция описывает разные стадии перехода от базовой к виртуальной реальности. Смешанная или гибридная/комбинированная реальность, в которой физические и цифровые объекты сосуществуют и взаимодействуют друг с другом в режиме реального времени, расположена посередине этого континуума. Другой из названных терминов «реальность онлайн», подчеркивающий взаимопроникновение офлайн и онлайн практик и невозможность их однозначной дифференциации, предложен профессором Оксфордского университета Л. Флориди (Floridi, 2014), разрабатывающим философскую теорию информации.

Таким образом, происходящие быстрые изменения социокультурных условий влекут за собой и изменения деятельности человека. Одним из первых советских психологов, начавших в середине 80-х гг. XX в. исследования деятельности компьютерного пользователя, был О. К. Тихомиров. Именно ему принадлежит до сих пор активно используемый термин «психология компьютеризации». Теоретически на основе концепции Л. С. Выготского он обосновывал идею о «преобразовании» психических функций под влиянием компьютера, поскольку компьютер опосредствует уже ранее опосредованную деятельность (решение задач, в том числе и творческого характера, подготовку текста и т. п.). Это приводит к тому, что во взаимодействии с компьютером формируются такие психические функции, которые не складываются в условиях сотрудничества между людьми. При этом О. К. Тихомиров подчеркивал, что компьютерно опосредованная деятельность – это не этап внутреннего опосредования, а продолжение внешнего.

Один из наиболее ярких последователей ученого, А. Е. Войскунский, отмечает следующее: «С психологической точки зрения Интернет представляется новым этапом знакового опосредствования деятельности и уже поэтому не выглядит чужеродным явлением, во всяком случае, для приверженцев культурно-исторической школы Л. С. Выготского»

(Войскунский, 2017: 89). Указанную позицию разделяют и зарубежные психологи, отмечая, что хотя культурно-историческая теория и создавалась в эпоху Гуттенберга, она ни в коем случае не является анахронизмом. Напротив, в ней содержится богатый объяснительный потенциал при рассмотрении Интернета как нового средства переопосредствования, перестраивающего весь процесс, порождающего новые виды деятельности и новые культурные орудия (Rückriem, 2020: 36).

Термин переопосредствование активно применяется не только в рамках культурно-исторической психологии, но и разработчиками Интернет-технологий, которые чаще всего под новыми посредниками понимают некие новые гаджеты, приближающие пользователя к виртуальной реальности: очки, шлемы, перчатки, тренажеры и др.

Таким образом, специалистов объединяет идея о новых условиях жизнедеятельности, в которых Интернет становится ведущим посредником в реализации его пользователем разных видов активности. Однако отличается понимание того, что именно в данной технологии выступает собственно посредником или культурным орудием (культурным знаком) в терминологии культурно-исторической психологии.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Интернет как технология, как орудие деятельности сам по себе нейтрален, что допускает амбивалентный характер его воздействия на психику пользователя, что отмечалось многими авторитетными специалистами в данной области. Принципиальная нейтральность технологии и дефицитарность/противоречивость научных данных об изменениях когнитивных функций пользователей Интернета делают возможным конструирование полярного спектра гипотез: от оптимистических – о наличии безусловно позитивного, развивающего эффекта, до пессимистических – о негативном, деструктивном/деформирующем влиянии Web.

Эмпирические основания для моделирования

Основными причинами выбора в качестве основы для моделирования гипотез второго типа выступают следующие три:

1. Отсутствие массового развивающего эффекта для когнитивных функций зрителя от исторически предшествующей Интернету, и в настоящее время конкурирующей с ней технологии – телевидения.

2. Отсутствие достоверных научных данных о наличии у представителей поколения Z неких когнитивных преимуществ по сравнению с представителями более старших поколений.

3. Данные эмпирических исследований взрослых активных интернет-пользователей, не обнаружившие у них более высокого уровня развития отдельных способностей, по сравнению с читателями.

Рассмотрим названные причины более детально.

Широкое распространение телевидения, начавшееся в 60-е гг. XX в. было связано с убеждением в том, что человечество получило демократичное и доступное средство для повышения образовательного уровня населения и соответственно, развития когнитивных способностей зрителей. Однако уже спустя два десятилетия обнаружилось противоположные ожидаемым социальные последствия, которые в первую очередь связаны с проблемами речи, а именно: ростом числа детей с различными нарушениями устной речи и функционально неграмотных подростков и юношей.

Телевидение как технология «управления взглядом» на физиологическом уровне вводит зрителя в состояние телестресса, а на психологическом – вызывает у него состояние наученной беспомощности. Совершенно закономерно, что даже краткосрочные изменения физиологического состояния сопровождаются и определенными психологическими изменениями. Используемые создателями телепрограмм приемы «управления взглядом» (частое изменение ракурсов, скорость смены кадров, их намеренная непредсказуемость и др.) оставляют мало возможностей для антиципации, для «опережающего отражения». Таким образом, телеэкран фактически лишает зрителя возможности для подготовки собственной реакции на определенное событие еще до его наступления, что и является основанием для проведения параллелей с состоянием наученной беспомощности как отказом от активности, детально изученным М. Селигманом и его последователями. В частности, эксперименты Д. Хирото (Hiroto, 1974) позволили сделать несколько важных заключений. Во-первых, они показали, что и у людей существует механизм возникновения наученной беспомощности, аналогичный выявленному ранее у животных. Во-вторых, оказалось, что беспомощность, возникнув в одной частной ситуации, очень быстро генерализуется на другие. Многочисленные экспериментальные исследования позволили обнаружить и сам механизм: наученная беспомощность возникает при невозможности контролировать последствия действий, т. е. отказ от активности появляется в результате приобретения опыта бесполезности собственных усилий. Именно непредсказуемость и неуправляемость событий является основной причиной возникновения наученной беспомощности, т. к. не только неприятные, но и приятные последствия, которые в экспериментах моделировались как случайные, совершенно независимые от поведения индивида, приводили к отказу от активности. Таким образом, затруднение прогнозирования зрителем цепочки дальнейших событий на экране и невозможность их контролировать, составляющие психологическую сущность технологий телевоздействия, полностью соответствуют экспериментально установленным детерминантам возникновения наученной беспомощности.

В настоящее время есть данные также лонгитюдных исследований когнитивных способностей телезрителей. В 2011 г. американские психиатры (Hoang, Reis, Zhu, 2011) опубликовали результаты масштабного исследования, в котором принимало участие 3247 человек от 18 до 30 лет на момент его начала. Через 25 лет тесты когнитивных способностей показали, что длительный (т. е. более 3 часов в день) просмотр телепередач снижает концентрацию внимания, скорость обработки информации и способность к целенаправленной деятельности, замедляет реакцию, но не нарушает способность к механическому заучиванию и сохранению информации. Это относится к представителям разных возрастов и полов. Особенно пострадали когнитивные функции тех, кто на протяжении этих лет вел малоподвижный образ жизни. В контексте настоящего исследования важно отметить, что привычка длительного телепросмотра не повлияла на механическую память взрослых зрителей, т. е. не изменился ее самый генетически простой вид.

Наконец, еще один общеизвестный аргумент, доказывающий принципиально низкий развивающий потенциал телевидения, принадлежит авторитетному американскому медиаэкологу Н. Постману: «Для просмотра телевидения не требуется никакой подготовки, не требуется аналога букваря. Просмотр телевидения не требует никаких навыков и не вырабатывает никаких навыков. Именно поэтому нет такой вещи, как дополнительные занятия телевидением. И поэтому вы не смотрите телевидение сегодня лучше, чем 5 или 10 лет назад» (Постман, 2015).

Другой причиной выбора в качестве основания для моделирования гипотезы о негативном влиянии Интернет-технологии на когнитивные функции пользователей стало отсутствие научных данных о наличии у представителей поколения Z неких когнитивных преимуществ, что подтверждается и непосредственной педагогической практикой. Педагогами разных ступеней образования высказываются довольно однотипные мнения (точнее, жалобы) о постепенном снижении когнитивных функций обучающихся, которые в своем большинстве выражаются в проблемах концентрации внимания, ухудшении запоминания, несформированности ведущих мыслительных операций (неумение выделять главное и второстепенное, самостоятельно определять основание для сравнения, удерживать линейную логику изложения и др.), а также повышенной умственной утомляемости.

По мнению одного из самых авторитетных социологов современности М. Кастельса во всем мире система учебных заведений «ужасно не приспособлена» (Кастельс, 2004: 299) к условиям нового информационного общества и нуждается в новой методологии обучения, ориентированной на выработку у обучающихся умений преобразовывать информацию в знания, а знания, соответственно, в действия. По мнению

ученого, в потоке онлайн-информации ключевыми способностями субъекта становятся следующие: постановка задачи поиска соответствующей информации, умение принимать решения о том, что и как искать, а также как найденное обрабатывать и использовать.

Несмотря на указанную «неприспособленность» образовательной системы ее значение в условиях происходящей цифровизации скорее только повышается при условии сохранения ею своей основной социальной цели – окультуривания или усложнения субъекта этой деятельности. С обозначенной точки отсчета – сложности Человека как итога образовательной деятельности – довольно парадоксальной представляется одна из доминирующих в современной системе образования тенденции, которую можно обозначить как перестройку методологии образования под возможности и потребности поколения Z (Медведская, 2020). Парадоксальной эта ситуация является потому, что жалуясь на снижение когнитивных способностей обучающихся, педагоги еще и инициативно этому снижению способствуют.

Еще одной причиной обоснования гипотезы о возможном негативном влиянии Интернета являются результаты предшествующей работы автора по проверке конкурирующих гипотез о присутствии развивающего эффекта. В частности, были эмпирически проверены гипотезы о большей децентрации мышления (Медведская, 2020) и большей креативности (Медведская, 2020) взрослых активных интернет-пользователей по сравнению с их ровесниками, отдающими предпочтение традиционному, бумажному чтению. Гипотезы проверялись на статистически больших выборках людей старше 35 лет (т. е. завершивших свое когнитивное развитие в доцифровую эпоху), имеющих высшее образование и работающих в сфере интеллектуальных профессий.

Интернет можно назвать, используя терминологию М. М. Бахтина, пространством многоголосия, обеспечивающим пользователя прекрасными возможностями для движения по различным смысловым позициям. Это позволяет предполагать, что веб создает благоприятные условия для преодоления эгоцентризма, который в проведенном исследовании трактовался в классическом понимании Ж. Пиаже как иллюзия познания или особая умственная позиция, заключающаяся в признании только собственной точки зрения и выражающейся в нарушении логики рассуждений (Пиаже, 1997 и др.). Последователями Пиаже неоднократно было доказано, что феномен познавательного эгоцентризма присутствует также и у взрослых.

В качестве стимульного материала выступали две задачи, для успешного решения которых необходимо одновременно учитывать позицию каждого из ее «персонажей». Первая задача предполагала преимущественно прием работы с имплицативно-дизъюнктивной структурой предложений, во второй требовалась визуализация заданной в условии ситуации.

В таблице 1 представлено количество правильных ответов в разных группах респондентов.

Таблица 1

Количество правильных решений логических задач (%)

Группа	Вид задачи	
	Задача 1	Задача 2
«Субъекты читающие»	41	21
Активные интернет-пользователи	24	4
Критерий углового преобразования Фишера ¹	1,66*	2,49**

Содержание таблицы 1 демонстрирует, что верные решения двух задач статистически достоверно преобладают в группе «субъектов читающих». Первая задача для всей выборки оказалась более легкой, что можно объяснить ее более формализованным характером, что подтверждает сделанное Н. А. Подгорецкой заключение о том, что «успешность в овладении приемами познавательной деятельности определяется не возрастом субъекта, а типом обучения, в рамках которого эти приемы усваивались» (Подгорецкая, 1988:136). Наша выборка как раз была довольно однородной по характеру обучения, особенно школьного, в период которого и формируются ведущие мыслительные операции.

Еще одной конкурирующей гипотезой для эмпирической проверки выступала гипотеза о более высоком уровне развития креативности активных интернет-пользователей, которая обусловлена большей свободой выбора (разного содержания, видов деятельности и др.) открывающейся благодаря данной технологии. Исследование осуществлялась на разном материале: вербальном и образном.

Для оценки вербальной креативности был использован тест С. Медника RAT в адаптации А. А. Воронина (лаборатория психологии способностей Института психологии РАН), который в русскоязычной версии более известен как тест речемыслительной креативности (РМК).

Усредненные по выборкам результаты отражены в таблице 2, в которой буквами указаны измеренные параметры креативности: У – уникальность; О – оригинальность; К – количество ответов.

Таблица 2

Показатели теста вербальной креативности С. Медника (RAT)

«Субъекты читающие»			Активные интернет-пользователи		
У	О	К	У	О	К
9,75	0,62	24	4,45	0,48	17,85

¹ В таблице знаком «*» обозначены уровни статистической достоверности критерия: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$.

Представленные в таблице 2 данные свидетельствуют, что параметры креативности (уникальность, оригинальность и количество ответов) выше у представителей группы «субъектов читающих». Применение критерия Розенбаума доказало достоверность выявленных различий по двум параметрам вербальной креативности:

- уникальность ($Q = 10$ при $Q_{\text{крит}} = 9$ для $p < 0,01$);
- количество ответов ($Q = 8$ при $Q_{\text{крит}} = 7$ для $p < 0,05$).

Для изучения невербальной креативности был использован тест «Свобода ассоциаций» З. Зиверт, позволяющий определять визуальную креативность, способность к преобразованиям (гипотетичность и вариативность мышления). Стимульный материал представляет собой 15 рисунков современного российского художника А. Н. Фанталова.

В таблице 3 представлены усредненные для представителей разных групп параметры, которые имеют следующие буквенные обозначения: У – уникальность (оригинальность); К – количество ответов; ОтА – отдаленность ассоциаций; Дв – движение.

Таблица 3

Параметры образной креативности

«Субъекты читающие»				Активные интернет-пользователи			
У	К	ОтА	Дв	У	К	ОтА	Дв
15,26	27,13	7,33	2,13	10,73	21,46	4,33	0,6

Данные таблицы 3 демонстрируют, что все параметры невербальной креативности достоверно ниже у активных интернет-пользователей. Применение критерия Розенбаума для оценки достоверности выявленных различий показало следующее:

для уникальности ассоциаций: $Q = 8$ при $Q_{\text{крит}} = 6$ для $p < 0,05$;

для количества ответов: $Q = 4$ ($Q > 0,05$);

для числа ассоциаций из отдаленных областей: $Q = 9$ при $Q_{\text{крит}} = 9$ для $p < 0,01$;

для ответов категории «движение»: $Q = 6$ при $Q_{\text{крит}} = 6$ для $p < 0,05$.

Статистические расчеты позволяют утверждать, что только по одному параметру – количество ассоциаций – результаты в двух группах респондентов оказались тождественными. По всем другим (нетипичность ответов, активность ассоциативного процесса, богатство воображения) достоверные преимущества выявлены у читателей. Таким образом, полученные данные противоречат прогнозируемому у активных пользователей цифровых технологий росту творческих способностей.

Выводы. Итак, имеющие эмпирические данные свидетельствуют о наличии фактологии, оправдывающей гипотезу о деформирующем интернет-влиянии для когнитивных функций взрослых, на которой строится модель, описывающая изменения в познавательной

деятельности пользователей технологии. Методологической основой теоретического обоснования модели может выступать культурно-историческая психология, в соответствии с которой Интернет является новым средством опосредования деятельности, порождающим новые культурные знаки, перестраивающие высшие психические функции. В контексте генетического закона развития, в соответствии с которым наиболее уязвимыми для любого негативного воздействия оказываются высшие, наиболее поздно созревающие в онтогенезе структуры, можно дать следующее обобщенное определение когнитивной деформации как структурно-процессуального изменения высшей психической функции. Изменения структуры функции выражаются в доминировании ее генетически простых компонентов над сложными или в их одинаковой представленности. Изменения процесса реализации функции заключаются в упрощении ее функционирования посредством возврата к генетически более ранним операциям.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в разработке следующих проблем:

обосновании единицы анализа в интернет-технологии, которую можно считать культурным орудием и культурным знаком;

выявлении отличий этого нового культурного знака от слова, выступавшего основным опосредствующим средством в традиционной культуре;

эмпирической конкретизации частных проявлений деформаций в отдельных высших психических функциях;

определении условий, способствующих/препятствующих возникновению когнитивных деформаций.

Список использованной литературы

- Агадуллина Е. Р. Пользователи социальных сетей: современные исследования. *Современная зарубежная психология*. 2015. Т. 4. № 3. С. 36–46.
- Богачева Н. В., Спивак Е. В. Мифы о «поколении Z». Москва: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
- Войскунский А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур. *Современная зарубежная психология*. 2017. Т. 6. № 4. С. 7–20. DOI:10.17759/jmfp.2017060401.
- Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. Москва: Проспект, 2016. 256 с.
- Грекова А. А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения». *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2019. Т. 12. № 1. С. 28–38. DOI:10.14529/psy190103.
- Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского – А. Р.

- Лурия. *Национальный психологический журнал*. 2012. № 8. С. 32–45.
- Исаева А. Н. «Клиповое мышление»: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус). *Мир психологии*. 2015. № 4 (84). С. 177–91.
- Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
- Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее: пер. с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 260 с.
- Кобзова М. П., Зверева Н. В., Щелокова О. А. О некоторых особенностях вербально-логического мышления в норме и при шизотипическом расстройстве. *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 3. С. 100–118. DOI: 10.17759/psyclin.2018070306.
- Линч Д. Технологии. Используй их, чтобы реализовать свой потенциал : пер. с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 160 с.
- Медведская Е. И. Выраженность децентрации мышления у взрослых представителей разных информационных субкультур. *Психологическая наука и образование*. 2020. № 1. С. 90–96.
- Медведская Е. И. Параметры креативности у взрослых активных web-пользователей. *Проблеми сучасної психології* : Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України / за наук. ред. С. Д. Максименка, Л. А. Онуфрієвої. Вип. 49. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2020. С. 224–243.
- Миронова М. И. Ребенок и компьютер. *Ребенок и компьютер*: сб. материалов. Клин: Христиан. Жизнь, 2012. С. 47–76.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка : пер. с фр. – Санкт-Петербург: Союз, 1997. 256 с.
- Подгорецкая Н. А. Изучение приемов логического мышления у взрослых. – Москва: МГУ, 1988. 150 с.
- Постман Н. ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка : пер. с англ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://media-ecology.blogspot.com.by/2011/02/blog-post_17.html.
- Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета : пер. с англ. Москва: КоЛибри, 2011. 352 с.
- Солдатова Г. У., Вишнева А. Е. Особенности когнитивной сферы детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019. Том 27. № 3. С. 97–118. DOI: 10.17759/cpp.2019270307.
- Султанова А. С., Иванова И. А. К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике [Электронный ресурс] // *Клиническая и специальная психология*. 2017. Т. 6. № 2. С. 83–96. DOI:10.17759/psyclin.2017060207.

- Урсу А. В. Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клинико-психопатологические проявления : дис. ... канд. мед. наук : 19.00.04. Москва, 2012. 130 л.
- Царевская О. А. Изменение подходов к обучению в условиях развития клипового мышления. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2020. № 2. С. 100–103.
- Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг: пер. с нем. Москва: АСТ, 2014. 288 с.
- Fiscer M., Goddu M. K., Keil F. C. Searching for Explanations: How the Internet Inflates Estimates of internal Knowledge. *Journal of Experimental Psychology*. 2015. V. 144. № 3. P. 425–433.
- Floridi L. 4-TH revolution: How the infoshere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
- Hiroto D. Locus of control and learned helplessness. *Journal of Experimental Psychology*. 1974. № 102. P. 187–193.
- Hoang T. D., Reis J., Zhu N. Effect of Early Adult Patterns of Physical Activity and Television Viewing on Midlife Cognitive Function. *JAMA Psychiatry*. 2011. № 11. P. 1–8.
- Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. – New York: Continuum Publishing Corporation, 2009. 282 p.
- Mori A., Natsuda G., Hinaki K. Terror of Game-Brain. *Neuroimage*. 2006. № 29. P. 706–711.
- Milgram P., Kishino A. F. Taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*. 1994. № E77-D (12). P. 1321–1329.
- Neuman S. B. The displacement effect: Assessing the relation between television viewing and reading performance. *Reading Research Quarterly*. 1988. Vol. 23 (4). P. 414–440. DOI:10.2307/74764114.
- Nie N. H., Hillygus D. S. H. The impact of Internet use on Sociability. *Time-diary finding. IT & Society*. 2002. № 1. P. 1–20.
- Przybylski A. K., Weinstein N. A Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: Quantifying the Relations Between Digital-Screen Use and the Mental Well-Being of Adolescents. *Psychological Science*. 2017. V. 28(2). P. 204–215. DOI:10.1177/0956797616678438.
- Rückriem G. Digital technology and mediation – a challenge to activity theory / G. Rückriem // *Культурно-историческая психология*. 2020. № 4. С. 30–38.
- Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*. 2011. V. 333. № 6043. P. 776–778.
- Ward A. F. One with the Cloud: Why People Mistake the internet's Knowledge for Their Own. Cambridge: Harvard University, 2013. 112 p.